

УДК 001.92:37(043) + 930(043)

Н. Н. Алеврас

**ДИССЕРТАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.:
РЕЧЬ ИСТОРИКА НА ЗАЩИТЕ ДИССЕРТАЦИИ**

Рассматриваются информационный потенциал и видовые особенности такого интеллектуального продукта диссертационной культуры XIX — начала XX в., каким является речь историка на диссертационном диспуте.

Ключевые слова: диссертационная культура; историк; речь на диссертационном диспуте; интеллектуальный продукт; источник; историография; источниковедение.

В числе различных текстов интеллектуальной природы свое место в системе гуманитарного знания занимают произведения ученых-историков, позволяющие реконструировать практики исторической культуры и интеллектуальной жизни историко-научной среды. Историограф, ориентируясь на использование всего информационного ресурса интеллектуальных продуктов, созданного представителями этого сообщества, в своей познавательной деятельности особо внимателен к процессу и результатам их научного творчества.

В одной из статей 2002 г. О. М. Медушевская обратилась к сюжету о взаимоотношении двух «проектов» исторической эпистемологии — источниковедческого и историографического — и затронула важные аспекты источниковедения историографии. Во-первых, статья содержит одно из авторских определений источника, интересное для заданного ракурса данной статьи; во-вторых, в ней намечены некоторые особенности источников по истории науки [см.: Медушевская, с.207–210]. «Источник — это реализованный (превращенный в эмпирическую вещь) продукт интеллектуальной деятельности человека», — лаконично резюмирует историк по поводу его дефиниции¹. Попутно она замечает, что произведения ученых в общей совокупности интеллектуальных продуктов человечества «составляют частный случай» [Там же, с. 210], подчеркивая этим самым универсальность процессов формирования эмпирических остатков человеческой деятельности.

Исходя из вышеобозначенной позиции, можно полагать, что многообразие результатов творческой и научной деятельности, частной и общественной жизни ученого любой научной области вообще и историка в частности входит

¹ А. С. Лаппо-Данилевский, раскрывая перед читателем процесс выработки им дефиниции «исторический источник», неоднократно подчеркивал, что «исторический источник есть прежде всего продукт человеческой психики», поскольку «мысль есть психический продукт мыслящего субъекта... она становится доступной восприятию постороннего наблюдателя лишь в том случае, если она реализована... в каком-либо материальном образе». Знаменитое определение, данное историком источнику как «реализованному продукту человеческой психики», выражает его убеждение в том, что источник в его первичной функции является носителем информации о «чужом сознании» [см.: Лаппо-Данилевский, с. 291, 292]. Таким образом, А. С. Лаппо-Данилевский вкладывал когнитивный смысл в происхождение и природу источника как «произведения человека».

в общий корпус интеллектуальных продуктов. Представляя феномены интеллектуальной жизни научного сообщества с присущими им социокультурными функциями, они при соответствующей ситуации в науке могут выступить в роли источников по изучению истории историографии. Информационную базу историограф формирует из общей «копилки» интеллектуальных продуктов (своеобразных протоисточников), которой пользуется все корпоративное сообщество историков, а шире — гуманитариев. Отсюда вытекают по меньшей мере два следствия. Первое из них можно свести к мысли о том, что общий информационный (источниковый) ресурс гуманитарного (в том числе историографического) знания создает основу междисциплинарных исследований. Второе определяет вывод, о том, что исследовательская деятельность и труды историографа из области историографической конкретики, методологически аналогичны конкретно-историческим исследованиям историка.

Интеллектуальная продукция диссертационной культуры являет собой оригинальную группу таковых феноменов, предстающих в виде научных произведений. Выступая инструментом профессиональной подготовки ученых и обеспечивая смену поколений в процессе творческой жизнедеятельности историко-научного сообщества, диссертационная культура всеми нитями своего особого пространства связана с продуцированием результатов творчества ученых, удостоверяя профессионально-квалификационный статус их авторов. Не только диссертация, но и весь комплекс произведений, возникавших в ходе работы над ней, составляют совокупность текстов, актуальных для понимания научной биографии и особенностей научного мышления историка [см. о произведениях диссертационной культуры: Алеврас, Гришина, 2010, с. 9—21; 2011, с. 221—236; Алеврас, 2011, с. 129—144; Гришина, с. 172—180; Сандерс, с. 161—192].

Если диссертация в изучаемой культуре выступает в виде ее результирующего научного сочинения, то традиции и принципы презентаций, экспертных оценок диссертационного исследования порождали появление специфических текстов-произведений, имевших различное функционально-жанровое выражение и предназначение. В нашем случае особо подчеркивается значение *речей историков на диссертационных диспутах*, которые в XIX в. начинали обретать статус значимых фактов (интеллектуальных продуктов) и текстов (интеллектуальных феноменов) диссертационной культуры. Среди произведений диссертационной культуры речь диспутанта выступает как способ спрессованного выражения мыслей и идей ученых, воплощенных в диссертации. В сценарной структуре диспута речь играет² роль завязки, фокусируя на себе

² Замечая преемственность в современной научной практике формировавшихся в XIX в. традиций диссертационной культуры, и в частности способов презентации результатов диссертационных исследований, подчеркнем, что зачастую эта преемственность формальна. Диссертационная культура изучаемого времени формировалась «снизу», прорастая из неформальных норм и этики профессорской субкультуры. В идеале она была ориентирована на подготовку не просто кадров высшей квалификации, а на сотворение ученого-профессионала. Относительно современной ситуации можно говорить о диссертационной *системе*, оказавшейся во власти бюрократических установок. Можно согласиться с коллегами, изучающими коммуникативное поле современной исторической науки, которые относят диссертационную систему и диссертационные советы как ее исполнительные органы к официальным

внимание присутствовавших и определяя их впечатления и оценки по поводу научного самовыражения автора диссертации. Авторы диссертационной речи, как правило, сохраняли индифферентность в отношении к событиям, лежащим за пределами диссертационной культуры, но в ряде случаев в силу особенностей социокультурной или политической ситуации, наполняли ее рефлексиями по поводу происходящего в обществе. Среди персоналий данной статьи в этом отношении выделяются речи В. И. Семевского и Г. В. Вернадского.

Следует заметить, что в изучаемый период в нормативных документах, определявших получение ученых степеней, специально не оговаривались правила оформления текстов материалов презентации и экспертизы диссертации (т. е., положений³, речей и отзывов). Вследствие этого выступление соискателя на диспуте составлялось в свободной форме, его структура и содержание складывались из авторского понимания цели и смысла данного этапа защиты диссертационного исследования. В отличие от отзывов оппонентов, тексты которых, по нашим наблюдениям, к началу XX в. стали приобретать явные признаки стандартизации, речь диссертанта в меньшей мере испытала процесс унификации. Хотя элементы типизации содержания выступлений соискателей на диспутах начинают формироваться и становятся заметной тенденцией для современников, но в большинстве сохранившихся текстов речь историка-диспутанта тяготеет к оригинальности построения и демонстрации своих научных наблюдений и выводов. Отмеченной тенденции сопротивлялись наиболее талантливые ученые, наделенные пониманием ценности индивидуального творческого опыта и повышенным самосознанием. Некоторые из них в своих выступлениях на диспуте специально задавались вопросом о том, как должна быть построена и содержательно наполнена речь соискателя⁴. Исходя из презентационной функции речь в системе произведений диссертационной культуры фокусировала на себе выражение эгоцентричных мотивов, лежащих в основе диссертационной истории того или иного претендента на ученую степень.

Сохранность рукописных текстов речей на диспутах, к сожалению, невелика⁵, что вызывает вполне определенные трудности для решения привлекательных для историографа и источниковеда реконструктивных и интерпретационных задач. Одна из причин этой ситуации заключается в неформальном статусе этого элемента диссертационной культуры, что оставляло судьбу текста *речи* исключительно на усмотрение ее автора. Тем не менее небольшая коллекция

институтам науки, далеко отстоящим от глобальных процессов и идей «открытой коммуникации». Не случайно один из участников анкетирования, проведенного авторами цитируемой статьи, характеризует современную процедуру защиты диссертаций как «формальную» академическую традицию, к тому же «существенно выхолащенную» [см.: Корзун, Рыженко, с. 25, 38–39].

³ Так назывались в то время тезисы к диссертации, являвшиеся прообразом современного автореферата.

⁴ См. цитируемые ниже фрагменты из речей С. А. Жебелева и С. Ф. Платонова.

⁵ Из 135 диссертаций, защищенных историками Московского и Петербургского университетов в 1860–1919 гг. [подсчитано по: Кричевский], на данный момент нами выявлено около двух десятков оригинальных текстов речей диссертантов этих университетов. В наш подсчет не вошли речи, краткое содержание которых излагалось от третьего лица при публикациях информации о научных диспутах на страницах периодических изданий.

выявленных речей соискателей на ученые степени из архивных фондов историков в виде автографов-рукописей и опубликованных авторами текстов речей в специальной периодике дают возможность попытки охарактеризовать речь как феномен научной культуры.

Сравнительно небольшая доля сохранившихся оригинальных текстов речей является не только признаком их неформального происхождения, но и свидетельством того, что осознание их документальной ценности было присуще не всем акторам диссертационной культуры. Специальные усилия, направленные на сохранение автографов выступлений на диссертационных диспутах или публикацию их текстов, как правило, предпринимались незаурядными личностями в науке, склонными к самооценкам и осознававшими ценность собственного вклада в науку. В силу этого историк исторической науки имеет возможность обратиться к речам прежде всего тех ученых-историков, которые обладали обозначенными выше качествами.

Особенности восприятия речи в качестве текста-источника со стороны исследователя — историка-историографа, источниковеда — вызваны спектром целевых установок, заложенных творцами данного вида произведения. Поэтому для определения специфики речи как феномена и текста целесообразно как минимум выявить целевую предопределенность, закладываемую диспутантом в момент ее создания (первично задаваемая роль), и назначение речи.

В первом случае речь выступает как способ авторского самовыражения. На этапе подготовки к диспуту будущая речь фиксировалась (и иногда сохранялась) в форме рукописи-автографа. В этот момент происходил важнейший творческий акт ученого: в речи он намеревается выразить квинтэссенцию своего диссертационного исследования и этим самым заявить собственное место в мире науки. В зависимости от степени талантливости, характера самооценок, типа личности и его эмоциональной энергии речь диспутанта могла быть ориентирована на решение различных по форме и содержанию презентационных задач — от лаконичной информации о замысле и результатах исследования в виде их краткого изложения до обстоятельных и глубоких теоретико-методологических обобщений. Первый тип речей, вероятно, преобладал. В качестве примера можно привести модель речи на магистерском диспуте петербургского историка И. П. Филевича. Освещение хода его диспута (1890) на страницах «Исторического обозрения» дает основание полагать, что соискатель, фактически, ограничился лишь оглашением «положений» (тезисов), которые предоставлялись факультету накануне защиты диссертации и предлагались для ознакомления всем присутствующим на диспуте [см.: Историческое обозрение, с. 294—295].

Второй тип выступлений диссертантов в известной нам совокупности этих произведений принадлежал историкам, которых можно отнести к категории «видных» и «знаменитых». Отсутствие стандарта речи заставляло соискателей задумываться над тем, каким образом ее структурировать и акцентировать важнейшие положения исследования. Такую задачу, в частности, ставил перед собой один из знатоков античной истории и эпиграфики С. А. Жебелев. Историк свое выступление на докторском диспуте начал характерным пассажем, отражавшим поиски подхода к ее построению и содержанию: «В своей

вступительной речи диспутант обыкновенно знакомит аудиторию... с содержанием защищаемой диссертации. От такого обычая не желал бы отклоняться и я...» [СПФА РАН, ф. 729, оп. 1, д. 75, л. 1]. По всей вероятности, он воспроизвел наиболее типичную позицию диссертанта, ориентированную на краткое изложение основных положений диссертации. Примерно так выглядел текст и его собственной речи на магистерском диспуте (речь перед магистерским диспутом «Из истории Афин»), [см: Там же, д. 2, л. 1–8]. На докторском же диспуте, несмотря на изначально редуцированную позицию в определении задач диссертационной речи, он фактически отошел от этой наметившейся практики защит диссертаций (Вступительная речь к докторской диссертации «В области древностей провинции Ахайи») [Там же, д. 75, л. 1–8 об.]. Его докторская речь наполнена аналитической рефлексией относительно работы с эпиграфическим материалом и обращена в область своей научной и схолярной самоидентификации.

Уникальностью содержания и структуры выразительно отличались от иных диссертационных выступлений речи и других корифеев российской исторической науки. Для целой когорты видных историков второй половины XIX — начала XX в. (в частности, Г. В. Вернадского, И. М. Гревса, О. А. Добиаш-Рождественской, А. А. Кизеветтера, В. О. Ключевского, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, А. И. Яковлева и др.) речь воспринималась, как способ раскрытия творческого «я». Для этой категории ученых-историков данный способ презентации диссертаций являлся результатом персонализации научного творчества, выражением индивидуального мышления и личностного знания. Например, диссертационная речь А. С. Лаппо-Данилевского, опубликованная автором сразу после защиты [см.: Историческое обозрение, с. 283–292], построена как строгий академический текст с продуманной системой аргументов, стройной структурой и логикой, ясно изложенной и дозированной для слушателей эмпирической и методологической информацией, с заметными акцентами в область собственных теоретико-методологических обоснований. Перед нами не просто изложение результатов исследования, а, возможно, демонстрация авторских представлений о том, как должен выглядеть научный текст в момент презентации идей своего труда. Данное выступление ученого можно воспринимать как научную манифестацию его творческого откровения и даже прогнозирования будущих научных проектов. В определенном смысле его речь претендовала на идеальную модель подобного выступления.

С. Ф. Платонов свое выступление на магистерском диспуте (1888) выстраивал иначе, в виде рефлексии, раскрывающей собственную творческую лабораторию — историю возникновения научного замысла и его воплощения в диссертации. Он отказался следовать складывающимся традициям произнесения диссертационных речей: «Я не стану передавать здесь главнейшие выводы моей книги: они в настоящую минуту — у всех на руках в печатном листке “положений”. Нет также нужды выяснять и первостепенную историческую важность Смутной эпохи, к которой относится мой труд: эта важность уже ясно сознана в нашей историографии» [см.: ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 1254, л. 1–10; Платонов, с. XIV]. Позиция диссертанта в данном случае демонстрировала

стремление раскрыть свою творческую индивидуальность. Вышеназванные историки в своих выступлениях апеллировали, прежде всего к своему личному научному опыту.

А. Е. Пресняков же в речи на докторском диспуте в большей мере, чем его старшие коллеги, обращался к коллективному опыту «нашей», т. е. Петербургской, школы историков [см.: Пресняков]. Но по объективным параметрам он своим выступлением осуществлял презентацию результатов собственных научных наблюдений и выводов по поводу особенностей российского историографического процесса. Его творческое «я» проявилось в эгоцентричном стремлении на основе методологического противопоставления впервые дифференцировать схолярные явления, за которыми стояли коллективные образы московских и петербургских историков.

В момент диссертационного диспута речь-заготовка в той или иной форме транслировалась в аудиторию. Известный факт отсутствия в XIX — начале XX в. практики протоколирования диссертационных диспутов не дает возможности сопоставлять имеющиеся рукописные и опубликованные версии речей диссертантов с их устными выступлениями. Поэтому приходится апеллировать лишь к имеющимся текстам, гипотетически предполагая их содержательное сходство. Выступление соискателя с речью на диспуте перед собравшейся аудиторией (иногда весьма неоднородной по составу) имело ряд важных социокультурных, научно-интеллектуальных и коммуникативных интенций.

Речь являлась не только способом научного самовыражения, проявлением самосознания и формой презентации научных идей соискателя на ученую степень, но играла и просветительскую роль для многих «зрителей», не принадлежавших к референтной группе научного сообщества. Характерны в этом отношении факты публикации речей в журнальной периодике, пользующейся широким спросом (ниже приводится пример речи В. И. Семевского). Популярная газета, практикуя иногда репортажи о наиболее интересных научных диспутах, отмечали и характер выступления самого диссертанта. Например, газета «Новое время» назвала речь А. С. Лаппо-Данилевского «блестящей» [см.: Новое время]. Для корпоративной же среды ученых речь соискателя становилась маркером определения его научной квалификации и профессионализма. Не случаен факт повышенного (критического) внимания к характеру речи диссертанта со стороны коллег, в частности внимание С. Ф. Платонова к, например, выступлению на диспуте А. С. Лаппо-Данилевского [см.: Письма русских историков, с. 218]. Критические акценты Платонова становятся понятнее не только в силу того, что он играл роль оппонента, но и потому, что историки оказались в конкурентном научном пространстве.

В зависимости от общественно-политических настроений диссертанта речь могла стать выражением соответствующих взглядов и вызывать у аудитории те или иные суждения и оценки относительно общественного лица диссертанта. В этом отношении наиболее примечательна речь В. И. Семевского на магистерском диспуте [см.: Русская старина, с. 565—578]. Она была опубликована им в год защиты диссертации и являлась, учитывая тему истории русского крестьянства, выражением общественно-политической позиции историка

и продолжением его известных публицистических выступлений в духе либерального народничества. В данном случае речь диссертанта приобретала политический характер, не свойственный научной речи по статусу.

Так или иначе речь диссертанта выступала коммуникативным инструментом информационного обмена. Посредством речи во время диссертационного диспута рождалась известная «триада»: «автор (производитель текста) — текст-произведение, выступающее материальным воплощением концептуальных идей автора, — читатель/слушатель, являющийся интерпретатором и референтом текста». Можно сказать, что речь как интеллектуальный феномен диссертационного диспута изучаемого времени реализует одну из структур интерактивных ритуалов интеллектуалов, образно обозначенных Р. Коллинзом формулой «лицом к лицу» [Коллинз, с. 73]. При этом текст выступления диссертанта оказывается одновременно и результатом деятельности (автора), и материалом для деятельности (читателя-интерпретатора). Таким образом, устанавливается продуктивная коммуникативная связь.

Являясь особым рода элементом диссертационной системы, речь, призванная в лаконичной форме представить научному сообществу результаты диссертационного исследования, должна была как научный текст быть убедительной, логичной и аргументированной, а как публичное выступление — эмоционально-художественной. Эти особенности, вытекающие из риторической природы выступления человека перед любой аудиторией⁶, не могут не учитываться при текстологическом анализе такого рода произведений. Кроме того, для историографа/источниковеда, если он имеет дело с рукописью речи, она выступает и как текст-содержание, и как текст-изображение, позволяя реконструировать не только концептуально-смысловую основу научного проекта диспутанта, но и раскрыть когнитивный процесс творческой работы над его литературно-лингвистическим выражением и даже определить эмоционально-психологическое состояние автора выступления.

Особый интерес могут представлять черновые записи (не часто обнаруживаемые) предполагаемой речи, в которых наиболее зримо проступают следы работы соискателя над текстом. Примером может служить рукописный вариант выступления на диспуте, составленный Г.В. Вернадским [см.: ГАРФ, ф. 1137, д. 93, л. 1—13; Речь Вернадского, с. 381—384; об обстоятельствах защиты диссертации Вернадским см.: Алеврас, 2010, с. 367—380; Сандерс, с. 161—162].

Текст речи историка, созданный в октябре 1917 г. в условиях предреволюционных событий, не только своим содержанием, но внешними признаками свидетельствует о драматизме ситуации, в которой должен был проходить диспут. Запись речи на дешевой бумаге, представляющей небольшие тетрадные листочки, пометки — как внешнее проявление поспешности, в которой составлялся текст (историк с трудом прибыл в Петроград для защиты из Перми

⁶ Перспективным представляется дальнейшее изучение природы речи ученого на диссертационном диспуте с позиций взгляда на него как на ораторское произведение. Усиливающийся в гуманитарном знании интерес к проблемам риторики [см.: Маров, с. 190—218] позволит, вероятно, выработать элементы риторического анализа рассматриваемого источника.

и должен был срочно возвращаться), «нервный» почерк с большим количеством правок и вставок, смысловые акценты речи — все это позволяет предположить тревожное психологическое состояние человека, предчувствующего приближение социальной катастрофы. Рефреном речи являются рефлексии в область современных общественно-политических реалий, которые Г. В. Вернадский воспринимал как «тяжелое время неслыханных материальных и нравственных падений России и русского народа». Позднее, при описании им диспута в воспоминаниях он, к сожалению, не оставил собственных свидетельств о том, как была произнесена и воспринята его речь. Очевидно, эти впечатления были оттеснены на периферию памяти другими событиями, связанными как с историей диспута, так и ситуацией в стране, заставившей его эмигрировать. Не удалось обнаружить и свидетельств очевидцев, прессы о диспуте Г. В. Вернадского и его диссертационной речи, которые скорее всего не сохранились.

Первично заданная роль речи на диссертационном диспуте, вытекая из предназначения и наделения ее смысловыми акцентами со стороны авторов, позволяет взглянуть на этот интеллектуальный продукт творческой деятельности как на феномен современной им научной культуры в контексте исторической эпохи.

Вторично заданная роль речи диспутанта формировалась в особой ситуации привлечения внимания общественности к ее тексту за счет ретрансляции. Она осуществляется чаще всего путем издания рукописи или переиздания ее текста уже из других побуждений в сравнении с первичными целями. Нередко подобные акции порождались историографическим интересом как со стороны самого ее творца, так и со стороны заинтересованных современников. В результате возникает историкографическая функция речи, которая при условии поддержания к этому источнику-тексту научного интереса формирует и другие грани ее информационных возможностей. Случаи же, когда тот или иной интеллектуальный продукт (в том числе интересующая нас разновидность источника) оставался неизвестным современникам, а потом и исследователям, являются примером нереализованных социокультурных функций и информационных возможностей источника в актуальное время его «жизни».

Современный опыт выявления речей в личных архивах историков, введение их в научный оборот, факты трансляции этих произведений в контекст иной культуры и эпохи содействуют выведению их из небытия и обретению ими новых смыслов. Полагаю, что в этом случае данная «малая» форма диссертационной культуры приобретает дополнительно и коммеморативную функцию, выполняя задачи формирования корпоративно-академической памяти. Обретение историографической и коммеморативной функций превращает данный феномен в источник как по истории историографии, так и по истории научно-корпоративных практик закрепления и трансляции научного опыта.

Примером может служить упомянутая речь С. Ф. Платонова на магистерском диспуте (1888). Ее автограф сохранился в его личном фонде [см.: ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 1254, л. 1—10], а при переиздании магистерской диссертации (1913) историк впервые опубликовал ее, задавая, таким образом, своей речи историографический смысл [см.: Платонов, 1913, с. XIII—XIX]. Решая в 1888 г. свои презентационные задачи, он в содержании речи акцентировал

внимание на инновационных моментах своей диссертации как критико-источниковедческого исследования. В 1913 г. в комментариях к публикации речи историк склонен был подчеркнуть прежде всего собственную историографическую рефлексию. Это сказалось как в признании им «несовершенств» и «недостатков» своего труда, так и во внимании к «ученой критике» своего труда в лице В. О. Ключевского и В. С. Иконникова. Собственная оценка выступлений оппонентов 25-летней давности подчеркивает историографическую мотивацию С. Ф. Платонова в принятии решения издать рукопись выступления на диссертационном диспуте [см.: там же, с. XIX–XX]. В случае с Платоновым имеется и современное переиздание его речи [см.: Платонов, 2010, с. 190–194]. Этот новейший историографический факт подтверждает мысль о возможности присвоения данному виду интеллектуальной продукции коммеморативной функции. Само собой разумеется, что историографическая и коммеморативная составляющие «вторичной жизни» этого вида источника плотно сопряжены между собой.

Видовая идентификация любого произведения-артефакта, как известно⁷, основывается на социальной функции, целевом назначении, которые придавались тому или иному творению (интеллектуальному продукту), целенаправленно создаваемому человеком в ходе его деятельностной жизни. Наделяемые функции в момент его создания предопределяли характер содержания и задавали внутреннюю структуру его информационного пространства, что важно учитывать при использовании любого артефакта в качестве источника информации. Несмотря на устоявшиеся представления о видовой классификации источников, сохраняются проблемы определения социокультурной природы отдельных источников и их групп. Используемые в нашем случае интеллектуальные продукты/источники диссертационной культуры требуют постановки вопроса об их видовой идентификации.

Приведенные выше размышления и акценты об особенностях речей диспутантов как одного из видов диссертационной продукции позволяют высказать предположение о близости представленного в данной статье источника к такой видовой группе, как источники личного происхождения. Ее разновидности, представленные в современном источниковедении в виде мемуаров различных типов, частной переписки, дневников, эссеистики, исповедей [см.: Румянцева, с. 240–268], можно было бы объединить более лаконичным, широко используемым в современных исследованиях обозначением как «эго-документы», или «эго-источники». Речь ученого на диссертационном диспуте в практиках диссертационной культуры изучаемого времени являет тот случай, когда человек выражает свое «эго»: отношение к себе самому как ученому и к миру науки сквозь призму индивидуально-персонального опыта и восприятия реальности. Речь диспутанта при этом нацелена на установление системы межличностных коммуникаций, без чего научная деятельность ученого невозможна.

⁷ Затронутый аспект теоретического источниковедения в отечественной практике начал рассматриваться еще в 1970–1980-е гг. [см.: Курносов; Тартаковский, 1903].

Известный источниковед и знаток истории мемуаротворчества А. Г. Тартаковский в свое время, определяя видовые признаки мемуаристики, особо подчеркивал, что в них «с наибольшей последовательностью и полнотой реализуется *историческое самосознание личности*» (выделено Тартаковским. — Н. А.) [Тартаковский, 1980, с. 24]. Обсуждая вопрос о поисках «коренного видообразующего признака» изучаемого вида источников, он дополнительно подчеркивал, что в реализации самосознания личности «и состоит первичная социальная функция мемуаристики» [Тартаковский, 1991, с. 11].

Рассматриваемые в данной статье речи на диссертационном диспуте обладают, на наш взгляд, важнейшими признаками мемуаристики в ее широком понимании: в комплексе произведений диссертационной культуры они реализуют творческое самовыражение ученого и являются носителями его научного и личностного самосознания. Авторское «я» организует структуру текста речи диссертанта и задает интерпретационно-оценочную составляющую ее содержания. Заметим при этом, что вся совокупность интеллектуальной научной продукции диссертационной культуры, в том числе речь диспутанта, выступает как тип аутентичных источников. Предполагаю, что по своей природе и информационному потенциалу речь как источник ближе всего приближается к видовым характеристикам таких жанров мемуаристики, как эссе и исповедь.

Представленные в данной статье наблюдения и предположения несомненно потребуют продолжения изучения начатой темы. Автор вполне осознает, что это только подступы к источниковедческому анализу предложенного к рассмотрению вида источника, который почти не используется в историко-историографических исследованиях.

Алеврас Н. Н. Речь на магистерском диспуте Г. В. Вернадского в контексте его диссертационной истории (к публикации источника) // Мир историка : историогр. сб. / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Вып. 6. Омск, 2010. 472 с.

Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Диссертационная культура российских историков XIX — начала XX вв.: замысел и источники исследовательского проекта // Там же.

Алеврас Н. Н. Диссертационный диспут как событие и традиция университетского быта второй половины XIX — начала XX века // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры : сб. ст. / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск, 2011. 512 с.

Алеврас Н. Н., Гришина Н. В. Российская диссертационная культура XIX — начала XX века в восприятии современников : к вопросу о национальных особенностях // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. 2011. [Вып.] 36. 432 с.

Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред., вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 1994.

ГАРФ. Ф. 1137. Д. 93.

Гришина Н. В. «Анахронизм наших печальных дней»: российская диссертационная система на рубеже 1910—1920-х годов // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры : сб. ст. / под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск, 2011. 512 с.

Историческое обозрение : сб. Ист. о-ва при Императ. Санкт-Петербург. ун-те. СПб., 1890. Т. 1.

- Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. 1276 с.
- Корзун В. П., Рыженко В. Г. Коммуникативное поле современной исторической науки. От размышлений историографов к опытам описания // Диалог со временем : альманах интеллектуал. истории. 2011. [Вып.] 37. 400 с.
- Кричевский Г. Г. Диссертации университетов России, 1805–1919 : библиогр. указ. М., 1984 [Рукопись].
- Курнатов А. А. К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977. 272 с.
- Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006. 472 с.
- Лихачев Д. С. Текстология : крат. очерк / отв. ред. С. О. Шмидт ; Археографическая комиссия РАН. 2-е изд. М., 2006. 175 с.
- Маров В. Н. Культурно-исторический памятник или настольная книга? // Аристотель. Риторика. Поэтика. М., 2000. 224 с.
- Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. 358 с.
- Медушевская О. М. Источниковедение и историография в пространстве гуманитарного знания: индикатор системных изменений // Медушевская Ольга Михайловна. Теория исторического познания : избр. произв. / сост. И. Л. Беленький. СПб., 2010. 572 с.
- Новое время [СПб]. 1890. 10 мая.
- Письма русских историков (С. Ф. Платонов, П. Н. Милюков) / под ред. В. П. Корзун. Омск, 2003. 306 с.
- Платонов С. Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2 : Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913.
- Платонов С. Ф. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. / сост. В. В. Морозов, А. В. Сиренов. М., 2010. 597 с.
- Пресняков А. Е. Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920.
- Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 560 с.
- Репина Л. П. Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры : сб. ст. // под ред. Н. Н. Алеврас, Н. В. Гришиной, Ю. В. Красновой. Челябинск, 2011. 512 с.
- Речь Г. В. Вернадского на магистерском диспуте (Санкт-Петербургский университет, 22 октября 1917 г.) // Мир историка : историогр. сб. / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Вып. 6. Омск, 2010.
- Румянцев М. Ф. Теория истории : учеб. пособие. М., 2002. 319 с.
- Русская старина [СПб]. Май. 1882.
- Сандерс Т. Третий оппонент: защиты диссертаций и общественный профиль академической истории в Российской империи // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / отв. ред. А. Н. Дмитриев. М., 2012. 551 с. СПФА РАН. Ф. 729. ОР РНБ. Ф. 585.
- Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика : (очерк источниковед. изучения). М., 1980. 312 с.
- Тартаковский А. Г. Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. 1983. № 3.
- Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. М., 1991. 288 с.

Статья поступила в редакцию 02.07.2012 г.